

Архиеп. Алексей Дородницын († 1919 г.)

Слово пред панихидой по П. А. Столыпине.

произнесено в казанском дворянском собрании

8 сентября, 1911 года.

Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15. 13).

Не на радость, братие, мы собрались здесь; не торжественные гимны мы воспоем; не слово радости и восторга вы услышите из уст моих. Нас собрала здесь смерть великаго русскаго человека, – смерть неожиданная, насильственная, смерть человека, всем нам известного, дорогого – Петра Аркадьевича Столыпина.

Неожиданная смерть тем и действует на нас удручающе, тем и причиняет нам глубокую скорбь, что при ней ясно до наглядности выступает весь страшный контраст между жизнью и смертью. Еще так недавно пред взорами всей России раскрывалась широкая, могучая деятельность Петра Аркадьевича. Сколько благих намерений, сколько светлых предположений на пользу России предносилось его замечательному уму. А у нас сколько соединялось светлых надежд с его личностью, с его деятельностью! И смерть вдруг все это оборвала. Рухнули все благия намерения, разбились надежды, а сам виновник их, с сердцем, пламенно любившим Россию, теперь лежит бездыханен. О чуде! Что сие, еже о нас бысть таинство? Како предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелением... (Церковная песнь при погребении).

Смерть каждого человека, кто бы он ни был: богатый, или бедный, знатный, или простой, – поучительна, так как она является завершением того жизненного процесса, в котором раскрываются духовныя силы человека, полученные им от Бога. Стоя у оборваннаго конца жизненной цепи того или иного христианина и взирая на пройденный им жизненный путь, мы можем видеть, как он воспользовался талантами, данными ему Богом, как раскрылась его личность в его практической деятельности, и из этого можем извлечь для себя нравственный урок. Как же раскрылась личность усопшаго Петра Аркадьевича Столыпина в его широкой, глубокой по замыслам, общественно-государственной деятельности? Деятельность эта так разнообразна, так могуча, что охарактеризовать ее в краткой речи невозможно; она есть драгоценное наследие истории русскаго народа и составит лучшия ея страницы.

Но в этой деятельности есть одна сторона, где наше слово будет уместно и благовременно. Это – та, где усопший выступает как христианин, как член св. Православной Церкви. И здесь он является замечательным русским человеком. Прежде всего это был человек глубоко верующий в Бога и беззаветно преданный Его святой воле. В начале каждого своего начинания он полагал волю Божию, испрашивая ее в молитвах пред любимым им образом «Нерукотворнаго Спаса» в домике Петра Великаго. Эта вера в Божественный Промысл укрепляла его дух, сообщала его действиям уверенность, твердость, ясность. Он знал, что делает дело не только Царево, но и

Божие. Он смело смотрел в глаза своим врагам, так как глубоко был убежден в правоте своего дела и верил, что над ним бдит Божественный Промысл. Если бы его постигло какое-либо зло, то в утешение ему всегда оставалось, что на то была воля Божия. – Человек, занимающий подобное мне положение, быть готов ко всему, – говорил он предупреждавшим его об опасности. И эта готовность ко всему, готовность в каждый момент предстать пред лицом Божественного Правосудия, никогда его не оставляла. Помню, когда я в прошлом году, приблизительно в это время, прощался с ним на пароходе, он обратился ко мне с такими словами: «Благословите меня, Владыка, на счастливое путешествие и помолитесь о мне: я очень нуждаюсь в этих молитвах». И какая то тихая грусть слышалась в этих словах... – «Меня, – как бы так хотел сказать Петр Аркадьевич, – как черная тучи, окружают враги, ищущие моей души; но я всецело отдал себя в волю Божию и всегда готов встретить смерть. Укрепите меня в этой готовности вашими молитвами». Глубокую религиозность усопшаго Петра Аркадьевича еще яснее показали последние дни его жизни, когда он в огне страшных мук находил для себя утешение в неоднократном причащении св. Тайн. Да, Петр Аркадьевич Столыпин был не только замечательный общественно-политический деятель, но и глубоко верующий христианин.

С верой в Бога он соединял в себе чистый и светлый нравственный образ. Он чуть-ли не единственный на нашей памяти министр, которого не коснулась злая клевета, которая так любит бросать грязь в общественных деятелей. И в этом отношении образ усопшаго Петра Аркадьевича Столыпина остался безукоризненно чистым. Он мог сказать вместе с праведным Иовом: Чист я в очах Твоих, Господи! (Иов. 11, 4).

Но то, что особенно делает память усопшаго Петра Аркадьевича священной для русских людей, что возвышает его на степень героя, мученика, – это его преданность Царю и безграничная любовь к родной России. В этом заключается весь трагизм его жизни. В нем всегда боролись два течения нравственных чувств: с одной стороны, естественное чувство самосохранения, любовь к семье, к родным, для которых он, может быть, хотел бы пожить жизнью мирного гражданина, – а с другой: беззаветная преданность Царю, желание послужить ему верой и правдой, любовь к России, любовь пламенная, готовая отдать самое жизнь, только бы хорошо жилось русским людям, любовь, за которую, – он прекрасно это знал, – его ожидает зависть, злоба, ненависть, готовые поглотить его каждую минуту... И эти последние чувства победили первые: семейная радости, жизнь мирного гражданина, самую жизнь он принес в жертву служению Царю и Отчеству. – Скажите Государю, что я готов умереть за Него, – говорил Петр Аркадьевич на смертном одре. И он, действительно, положил за Царя и Россию свою жизнь.

Да, мы, русские люди, должны гордиться этой смертью, должны гордиться тем, что русский народ не оскудел еще мужами великаго духа, духа любви и преданности Царю и

Родине. Не перевелись еще на Руси Сусанины, и Петр Аркадьевич Столыпин есть Сусанин XX века; но он возвышеннее, мощнее, стихийнее, так сказать, Ивана Сусанина, и таким его сделала глубокая вера в Бога и преданность Его святой воле. – Братие, воспитаем и мы в сердцах своих эту преданность воле Божией, и она научит нас любить Россию и Царя так, как любил их усопший Петр Аркадьевич Столыпин.

Аминь.

PROIZNESENO V KAZANSKOM dVORYaNSKOM sOBRANII